

УДК 323 (941): 338 (941) (042.3)
ББК 66.3 (24) + 65.01 (24)
К 126

Редактор: Александр Искандарян
Редаколлегия: Нина Искандарян, Сергей Минасян, Арташес Хачатрян
Дизайн обложки: студия «Матит» / www.matit.am
Верстка: студия «Коллаж» / www.collage.am

КАВКАЗ-2010. Ежегодник Института Кавказа / Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 172 с.

К 126 *Восьмой выпуск Ежегодника Института Кавказа посвящен итогам 2010 г. в регионе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2011 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2010 г.; в них отражена общая динамика и проведен сравнительный анализ политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности и ее увязка с глобальными развитиями, показаны перспективы урегулирования конфликтов.*

Edited by Alexander Iskandaryan
Copy editing by Nina Iskandaryan, Sergey Minasyan, Artashes Khachatryan
Cover design by Matit / www.matit.am
Text layout by Collage / www.collage.am

Caucasus 2010. CI Yearbook / Ed. A. Iskandaryan. – Yerevan, Caucasus Institute, 2012. – 172 p.

The eighth CI Caucasus Yearbook sums up the year 2010 in the region. It is based on presentations made by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the U.S. at the CI Yearly Caucasus Conference in May 2011. The papers included in this volume describe main political, social and economic trends in the South and Northern Caucasus, propose their comparative analysis, look into regional security including its global aspects, and analyze conflict resolution prospects.

УДК 323 (941): 338 (941) (042.3)
ББК 66.3 (24) + 65.01 (24)

ISBN 978 – 9941 – 2 667 – 5

© Институт Кавказа, 2012 г.
© 2012 by Caucasus Institute

Мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения Института Кавказа или каких-либо иных организаций, в том числе спонсоров проекта и организаций, в которых работают или с которыми сотрудничают авторы. В статьях сохранено авторское написание имен и названий.

Any opinions expressed in this volume are those of the authors and do not necessarily reflect the views of the Caucasus Institute or any other organization, including project sponsors and organizations with which the authors are affiliated. All personal and geographical names used in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

Издание опубликовано при содействии Фонда поддержки аналитических центров Института открытого общества.

The publication of this volume was made possible by the support of the Think Tank Fund of Open Society Foundations.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ-2010 – КОНЕЦ ПОНЯТНОЙ ЭПОХИ

Федор Лукьянов

Когда историки будущего станут изучать политическую динамику начала XXI в. и искать реперные точки, на которых можно построить хронологическую шкалу измерений, 2010 г., вероятно, станет одной из них. Он не только формально завершил период «нулевых», но и закрыл определенный этап развития мировой и евразийской политики – этап, который в значительной степени все еще определялся катаклизмом начала 1990-х гг. – распадом Советского Союза и его последствиями. 2011-й открыл уже следующую главу в хронике переходного периода.

Не предугаданная никем «арабская весна», ливийская кампания, ставшая своего рода «Суэцким кризисом наоборот», концептуальный провал Евросоюза, перед которым замаячила необходимость пересмотра базовых принципов интеграции, острая общественно-политическая поляризация в США и изменения в поведении России на международной арене – все это элементы головоломки, которая, впрочем, пока не складывается, а, наоборот, продолжает распадаться. Эрозия институтов прежнего мироустройства, которые формально смогли пережить глобальные изменения конца XX в., но так и не сумели их структурировать, не говоря уж о том, чтобы взять под контроль, продолжается ускоряющимися темпами. И локальные или региональные конфликты, подавляющее большинство из которых отнюдь не новы, а уходят корнями в давнее прошлое, в предельно хаотической и турбулентной международной среде приобретают иное звучание и способность провоцировать процессы, значимость которых выйдет далеко за рамки местной геополитики. Или, напротив, они могут потерять значимость, а тот или иной регион, еще

недавно находившийся в эпицентре тектонических сдвигов, стать периферийным в глобальном контексте.

Южный Кавказ удивительным образом сочетает в себе оба этих качества. С одной стороны, он расположен на пересечении мощных полей притяжения тех держав, интересы и активность которых будут определять векторы развития отнюдь не только на региональной арене. Это Россия, Турция, Иран, Соединенные Штаты и в некоторой, хотя и угасающей, мере Европейский союз. Географическая близость к Большому Ближнему Востоку, который, похоже, надолго превращается в арену фундаментальных перемен, естественно, еще больше повышает значение Южного Кавказа. С другой стороны, постепенно меняется стержень кавказской геополитики. Еще два-три года назад его составляло противостояние России, стремившейся сохранить свои позиции, и западных держав, прежде всего США, иными словами, регион имел высокую самоценность. Сегодня же он скорее служит приложением к куда более масштабным и серьезным процессам, прямого отношения к нему не имеющим.

Основным фактором, влияющим на события на Южном Кавказе – внутри государств и особенно в отношениях между ними – служит внешний контекст, и именно обстоятельства, с ним связанные, способны изменить статус-кво, сложившийся в очагах неурегулированных конфликтов и вывести ситуацию из равновесия. Поэтому, подводя итоги развития Южного Кавказа за какой-то период либо пытаясь спрогнозировать его вперед, прежде всего, стоит оценивать внешние контуры. И первоочередным является, конечно, политика России.

2010 г., канун знаковой годовщины – 20-летия распада Советского Союза, стал вехой в развитии огромной евразийской территории и политики здесь Российской Федерации. В середине 2000-х гг. на постсоветском пространстве резко активизировались игроки, которые считались внешними по отношению к нему, прежде всего США и Евросоюз, и в меньшей, но важной степени – Китай. Многие заговорили о том, что считать территорию бывшего СССР единой

больше не имеет смысла – разные страны уже выбрали направление своего движения, сориентировавшись на разных патронах. Такими считались либо державы мирового масштаба – Соединенные Штаты, Китай, либо региональные, но влиятельные игроки, наподобие ЕС или даже Турции. Во всяком случае, глядя на конвульсии России, которая, будучи сама напугана «цветными революциями» в Грузии и Украине, а также переворотом в Киргизии, отчаянно пыталась противостоять экспансии западных институтов – НАТО и Евросоюза, комментаторы приходили к выводу: Москва утрачивает функции центра постсоветской территории.

2008 г. скорректировал эту тенденцию. Российско-грузинская война в Южной Осетии, которую в Москве едва ли не все считали непрямым, но решающим сражением против Соединенных Штатов, продемонстрировала: несмотря ни на что, Россия остается основным игроком постсоветского ареала. И когда дело доходит до фронтального столкновения, никто, кроме нее, не готов идти на серьезный риск ради укрепления своих позиций в этой части мира. Мировой финансовый кризис, разразившийся спустя полтора месяца после кавказской войны, окончательно зафиксировал эту диспозицию, хотя закрепил и другой важнейший вывод: Россия в высшей степени зависит от международной экономической конъюнктуры, и в этих условиях политическая свобода рук, к чему Москва всегда стремилась, все равно будет скована экономическими условиями.

В 2007-2008 гг., когда вопрос принятия Украины и Грузии в НАТО быстро приобретал конкретные очертания, постсоветское пространство находилось в центре всеобщего внимания и представлялось ареной геополитической битвы ведущих сил за лакомые куски. 2009-й стал переходным временем, а в 2010-2011-м было уже даже странно вспоминать, что за страсти кипели совсем недавно. Евразийская территория во всем ее многообразии от европеизированной Западной Украины и Молдовы до пустынь Туркменистана превратилась в стратегическую периферию, малоинтересную для большинства крупных держав.

Несколько событий 2010 г. продемонстрировали, насколько изменилась атмосфера. Наиболее знаковое случилось в апреле. Россия и Украина договорились о продлении до 2042 г. срока аренды российским Черноморским флотом военно-морской базы в Севастополе в обмен на снижение цены российского газа для Украины. Украинская национал-демократическая оппозиция, за несколько месяцев до этого с треском проигравшая президентские выборы и потерявшая власть, обвинила президента Виктора Януковича в национальной измене. Это, впрочем, ничего не изменило, договор был ратифицирован.

Самым поразительным была вялая реакция на соглашение США и Европы, точнее – почти полное ее отсутствие. А ведь полутора годами ранее, после грузинского конфликта, аналитики всерьез рассуждали о том, что вопрос базирования в Крыму Черноморского флота станет чуть ли не следующим *казус белли*. Затем, однако, выяснилось: если убрать политическое и эмоциональное нагнетание, то проблемы флота попросту не существует. Находящийся в весьма скверном состоянии флот имеет символическое значение, но значит крайне мало в военном отношении. Так называемый Харьковский договор (соглашение было подписано в Харькове) вообще стал гениальным по элегантности разменом фикций. Россия простила Украине деньги, которые Украина все равно никогда бы ей не заплатила, их у Киева просто нет. А Украина согласилась на пребывание флота, не имеющего почти никакого практического смысла и уж точно не несущего угрозы национальным интересам страны. Зато таким образом были устранены две проблемы (газ и флот), потенциально грозившие крупными кризисами общеевропейского масштаба, если бы договоренность не была достигнута. (Впрочем, как показали события уже 2011 г., газовый вопрос еще далек от разрешения, что в принципе логично – именно на конфигурации трубопроводных маршрутов, унаследованных от единого СССР, во многом базируется вся нынешняя европейская геополитика, и это невозможно изменить быстро.)

Почему настроения стали другими? Резко сменилась общемировая повестка дня. Основные игроки, столь азартно конкурировавшие за влияние на постсоветском пространстве, погрузились в собственные проблемы и попросту переместили эту территорию в иерархии своих приоритетов на несколько ступеней вниз.

Соединенные Штаты вообще отворачиваются от Европы, понимая, что стратегическая арена XXI в. располагается совсем не там, а на Тихоокеанском пространстве, в Южной и Восточной Азии, в крайнем случае, на Среднем Востоке. Масштаб вызовов, исходящих от Китая, Афганистана/Пакистана, Ирана, несравним с тем, что происходит в Украине, Грузии или Азербайджане и Армении. А поскольку в новой парадигме очевидно, что Россия нужна для решения ряда важных проблем, лишний раз раздражать ее поощрением демократии вдоль российских границ нерационально. Тем более что экономика диктует воздержанность – денег на все не хватает, так что приоритеты нужно выбирать тщательно и взвешенно. «Арабская весна», перевернувшая весь Ближний Восток, еще больше отвлекла американское внимание от Киева или даже Астаны.

Европейский союз, который на протяжении большей части 2000-х гг. претендовал на роль главного наставника постсоветских государств и обволакивал их своей «мягкой силой», совершил «жесткую посадку» в области политических амбиций. Лиссабонский договор, вступивший в силу в декабре 2009 г., возымел эффект, противоположный тому, что задумывался. Вместо того, чтобы стать мощным и консолидированным игроком в мировой политике, Европа стремительно начала осыпаться политически. К началу 2011 г. процесс распада европейских амбиций в области внешней политики стал настолько очевиден всем, что породил удивительные рецидивы. Франция и Великобритания, махнув рукой даже на имитацию единства, пустились в свободное от Европы плавание, начав войну в Ливии. А Германия, презрев священный принцип солидарности, откровенно отмежевалась от ближайших партнеров. На фоне настоящей катастрофы, которой чреват масштабный поток беженцев

из Северной Африки в Европу, заговорили о том, что даже те весьма скромные средства, которые ЕС был готов выделять соседям с востока в рамках «Восточного партнерства», следует бросить на южную периферию. Что, в общем, выглядит более чем логичным – масштаб проблем несопоставим.

Вообще 2010 г. стал временем разочарования единой Европы в странах западной части постсоветского пространства, которые еще недавно считались следующим объектом втягивания в большой европейский проект. Украина, Беларусь, Молдова, каждая по-своему, скорее были способны преумножить европейские проблемы, чем содействовать их решению.

Все происходящее создает прекрасные возможности для России, которая все предшествующие годы добивалась именно этого – чтобы остальные игроки перестали проводить активную политику на постсоветском пространстве. Однако поведение Москвы тоже меняется. Изменения отражают известную особенность российской внешней политики – она в основном реактивна, то есть является ответом на импульсы, поступающие извне. Нет импульсов – заметно снижается и интерес. Но есть и более глубокая причина – от постимперской политики, определяемой необходимостью удерживать влияние и обороняться от конкурентов, Москва переходит к чему-то другому – к попыткам сформулировать приоритеты, а также соизмерить желания и реальные возможности.

Показательным стало поведение России летом 2010 г. во время кровавых событий на юге Киргизии, когда все ожидали российского военного вмешательства для того, чтобы остановить межнациональное кровопролитие. Москва решила этого не делать, ограничившись дипломатическими усилиями и экономической поддержкой. Такой выбор диктовался рациональной оценкой того, что Россия не обладает на сегодня набором инструментов, как политических, так и военных, необходимых для эффективного вмешательства.

Попытки создать эти инструменты составляют содержание российской политики на постсоветском пространстве. Главные на-

правления – укрепление Организации Договора о коллективной безопасности, которая практически не сработала в случае Киргизии, а также переход в стадию настоящей экономической интеграции в рамках Таможенного союза. И то, и другое сталкивается с серьезными трудностями.

ОДКБ на протяжении почти 20 лет существовал как «клуб друзей России» без четких обязательств, и в таком виде всех устраивал. Сегодня на фоне пугающей неопределенности в Афганистане и все более хрупкой стабильности в Центральной Азии возникает реальная необходимость в дееспособной структуре региональной безопасности, однако к этому ОДКБ на сегодняшний день не готова. Отношения Москвы с союзниками не урегулированы, особенно это касается Узбекистана, которому по идее должна принадлежать ключевая роль – это наиболее мощное в военном плане государство Центральной Азии. К тому же непонятно, каково место еще двух союзников – Беларуси и Армении, у которых нет интересов в Центральной Азии, зато есть собственные проблемы безопасности. У Минска плохие отношения с Западом, а Ереван фактически находится в состоянии войны с Азербайджаном. Выходом для России является параллельное укрепление двусторонних отношений в области безопасности с этими двумя странами. С Беларусью это проведение с каждым разом все более масштабных учений «Запад», с Арменией – продление на длительный срок размещения там российской военной базы и обновление гарантий безопасности страны по всему периметру ее границ, то есть не только против Турции, как было раньше, но и против Азербайджана.

Как бы то ни было, трансформация ОДКБ станет первым приоритетом России в области политики безопасности. Отчасти и по той причине, что дееспособная ОДКБ стала бы весомым козырем в выстраивании отношений с НАТО и США, которым остро необходим настоящий партнер в Центральной Евразии.

Таможенный союз – первый за 20 лет реальный проект экономической интеграции, который в случае успеха может выйти за рамки

деклараций и создать иную экономическую реальность. Не случайно Москва вкладывает в него так много сил параллельно с попытками завершить процесс вступления в ВТО. 2010 г. подтвердил, что для России Таможенный союз – не символический способ давления на Запад, а реальный приоритет, нацеленный на расширение рынков и сохранение за Москвой статуса центра экономического притяжения. Казахстан поддерживает эту идею, а Беларусь, которая ожесточенно торговалась на протяжении полутора лет, сейчас находится в слишком тяжелом экономическом и политическом положении, чтобы сопротивляться столь же активно. Кремль периодически тестирует настроения Киева – не созрела ли Украина для присоединения? Но пока ничего не меняется, даже самая пророссийская власть, если она там вдруг появится, едва ли будет способна принять такое решение без риска спровоцировать общенациональный кризис.

По итогам «нулевых» годов, которые завершились в 2010-м, Россия, несмотря на все зигзаги, остается ключевой страной для постсоветского пространства. Сама она, правда, находится в начале сложного процесса формулирования собственной новой внешнеполитической идентичности, из которой и будет вытекать стратегия в отношении стран-соседей.

Развилка, как представляется, такова: является ли Россия по-прежнему глобальной державой, которая должна быть активной повсеместно, или она теперь превращается в державу пусть и очень важную, но региональную, сфокусированную на прилегающих территориях? Любопытным образом эта дилемма проявилась по неожиданному поводу – во время голосования в СБ ООН по Ливии в марте 2011 г. Именно тогда Москва сознательно дистанцировалась от ответственности, тем самым дав понять, что уступает арену другим. Дальнейшие события едва ли обрадовали Россию, однако в целом показали, что ее возможности влияния на ближневосточную ситуацию ограничены, и фокусирование на непосредственных интересах обещает оказаться как минимум более плодотворным.

Политическим аспектом глобальной коммуникационной сис-

темы является тот факт, что больше не существует изолированных внутренних процессов. Любой дисбаланс в развитии общественной и государственной системы, вне зависимости от того, чем он вызван, вступает в резонанс с внешними факторами. Они усиливают друг друга, порождая политические катаклизмы. И это в разной степени и в различных формах затрагивает все страны. Небольшие и относительно слабые государства просто превращаются в объект воздействия разнонаправленных сил, когда же речь идет о крупных и сильных странах, то встает вопрос о способности нейтрализовать эти факторы либо приспособиться к ним с наименьшим ущербом для себя.

Для России источником резонансных колебаний, способных значительно усложнить внутривнутриполитическую ситуацию, прежде всего, являются разнообразные локальные конфликты в сопредельных зонах. Поэтому приоритетным направлением внешней политики России на обозримую перспективу, вероятно, станет активное миротворчество, либо создание инструментов для предотвращения разрастания конфликтов, если они перейдут в горячую фазу.

Ситуация в зонах так называемых замороженных конфликтов, которые привлекают максимальное внимание на протяжении всего постсоветского периода, весьма различна, хотя понятно, что потенциальное влияние их обострения на Россию было бы максимальным. Как ни парадоксально, наиболее стабильно и безопасно положение в двух признанных Москвой государствах, которые почти весь остальной мир считает частью Грузии – Абхазии и Южной Осетии. Хотя политически ситуация на долгое время обречена оставаться в тупике, с точки зрения безопасности статус-кво значительно лучше положения, которое существовало до войны 2008 г. и было постоянно чревато взрывом.

Стабилен баланс сил и интересов в Приднестровье, где отсутствует накал межэтнической ненависти, который есть в других случаях, но, соответственно, нет и стимула активно им заниматься.

Единственный конфликт из т. н. замороженных, который чреват

очень большими проблемами для России, – это Нагорный Карабах. Перспективы его разрешения сейчас и в обозримом будущем нет. Степень взаимной неприязни сторон столь высока, что мандата на достижение компромисса нет ни у азербайджанского, ни у армянского президента. Даже если бы они захотели договориться, ничего бы не вышло, общества не приняли бы соглашения.

Многие комментаторы полагают, что усилия России по карабахскому урегулированию, значительно активизировавшиеся при президенте Медведеве, не имеют смысла и даже попросту провальны. Но Москва прекрасно понимает, что соглашение сегодня невозможно. Цель же заключается в том, чтобы ни в коем случае не допустить деградации ситуации, дальнейшего нарастания отчуждения сторон, которое способно привести к обострению вплоть до войны.

Военный конфликт Армении и Азербайджана поставит Россию в положение выбора, который она не может сделать. С Ереваном она связана формальными обязательствами, которые не вправе нарушать (не случайно их еще раз подтвердили в 2010 г.), а Азербайджан – слишком важная страна, чтобы рвать с ней отношения. Поэтому Москва будет прилагать дальнейшие усилия по поддержанию статус-кво, даже если снова и снова дипломатического успеха не будет. Процесс тут важнее результата.

Однако помимо этих традиционных конфликтных зон существуют более крупные, которые способны оказать очень большое влияние и на Россию, и, что важнее, на упомянутые выше локальные конфликты.

Каковы вероятные риски?

Во-первых, резкое обострение нестабильности, связанное с курсом Ирана на обретение ядерного оружия и попытками США/Израиля окончательно решить эту проблему силой.

Кризис вокруг Ирана станет внешним шоком, который повлияет на сопредельные регионы, прежде всего Южный Кавказ. Именно такое развитие событий может вывести из равновесия статус-кво вокруг Нагорного Карабаха (Иран – важный партнер и Азербайджана,

и Армении). Другим вариантом внешнего шока могло бы быть распространение социально-политической нестабильности Северной Африки и Ближнего Востока на страны, играющие принципиальную роль для Южного Кавказа – тот же Иран, Турцию (что маловероятно), либо крах сирийского режима Башара Асада. В последнем случае не исключено нарастание региональной нестабильности и при самом критическом сценарии, например, поток армянских беженцев из охваченной гражданской войной Сирии.

Во-вторых, развязка афганского конфликта, в результате которой после, видимо, неизбежного ухода из страны контингента США и НАТО, Афганистан превращается в арену тотальной гражданской войны «всех против всех» по образцу той, что бушевала в 1992-1995 гг. после падения просоветского режима Наджибуллы. На сей раз междоусобный конфликт может оказаться намного более масштабным и опасным, поскольку за каждой из противоборствующих группировок будут стоять те или иные остро конкурирующие иностранные интересы – Пакистана, Индии, Ирана, Китая, США, России, стран Центральной Азии.

Сценарий, предусматривающий новую консолидацию Афганистана под властью талибов, выглядит менее деструктивным, чем упомянутый выше. Можно ожидать попыток Талибана канализировать недовольство активной части непештунского населения вовне, стимулируя его экспансию на север – в Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан. Это создаст большую проблему, однако для нее, по крайней мере, существует модель решения – укрепление ОДКБ с превращением его в полноценный военно-политический альянс. Чем Россия активно занялась с 2009-2010 гг., пока, впрочем, без особых прорывов. Вообще, политическая активность вокруг ОДКБ неизбежно повлияет на Южный Кавказ с учетом членства Армении в этой организации, которая в то же время не станет, как структура, вмешиваться в гипотетический конфликт в этом регионе.

Россия обладает лишь ограниченными возможностями влияния на события, которое снизило бы вероятность негативных сцена-

риев. Имея в виду эту палитру рисков, исходя из возможности, что каждый может реализоваться, рациональным поведением было бы следующее.

- Активизация всеми способами дипломатического процесса с Ираном, поиск новых путей, поскольку любой силовой сценарий принесет России гораздо больше негативных последствий, чем гипотетических выгод (например, на энергетических рынках). Следует учитывать опыт всех военных вторжений конца XX - начала XXI вв. от Югославии до Ливии: непредвиденные последствия искажают изначальные планы иногда до неузнаваемости.
- Содействие США и НАТО в стабилизации ситуации в Афганистане, однако без прямого вовлечения, поскольку интересы, на самом деле, не совпадают. Задача западной коалиции – создать максимально благоприятные военные и политические условия для ухода. Задача России и соседних стран – обеспечить баланс интересов и групп влияния для долгосрочной стабильности вокруг Афганистана. Последнее требует активизации в сфере строительства региональных институтов – прежде всего ОДКБ и ШОС.

Конец нулевых годов ознаменовался в России и постепенным исчерпанием внутривосточной модели, которая более или менее эффективно обеспечивала развитие в начале XXI в. Поиск нового сценария развития, усугубляемый крайне высоким уровнем международной турбулентности, будет толкать к тактике (стратегия вовсе невозможна) минимизации рисков, что прежде всего относится к запутанной ситуации на Южном Кавказе. Как ни странно это прозвучит с учетом недавней кавказской войны, 2010 г. подвел черту под периодом относительной стабильности и предсказуемости ситуации. Дальше импровизаций будет все больше, а их итог – все менее просчитываем.